ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
МЕМУАРЫ
Гельмут Пабст
ДНЕВНИК НЕМЕЦКОГО СОЛДАТА
ВОЕННЫЕ БУДНИ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ
1941–1943

Гельмут Пабст

Дневник немецкого солдата. Военные будни на Восточном фронте. 1941-1943

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158491
Дневник немецкого солдата. Военные будни на Восточном фронте. 1941–1943: Центрполиграф; М.; 2009
ISBN 978-5-9524-2669-6

Аннотация

Дневник Гельмута Пабста повествует о трех зимних и двух летних периодах жестоких боев группы армий «Центр», продвигавшейся на восток в направлении Белосток-Минск-Смоленск-Москва. Вы узнаете, как воспринималась война не только солдатом, исполняющим свой долг, но человеком, искренне симпатизировавшим русским и проявившим полное отвращение к нацистской идеологии.

Содержание

Германский солдат в Русской кампании 4
Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 19
Глава 4 26
Глава 5 31
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Гельмут Пабст
Дневник немецкого солдата. Военные будни на Восточном фронте. 1941–1943

Германский солдат в Русской кампании

На рассвете 22 июня 1941 года Германия всей мощью своей трехмиллионной армии перешла границу с Советским Союзом и Румынией. Одна армейская группировка наносила удар в северо-восточном направлении по линии Вильнюс – Ленинград. Другой удар наносился на юго-восток в направлении Киева. Третий – группой армий «Центр» под командованием фон Бока, продвигавшейся на восток в направлении Белосток – Минск – Смоленск – Москва.

К артиллерийской части этой армейской группировки был прикомандирован унтер-офицер связи тридцатилетний Гельмут Пабст, бывший студент, изучавший юриспруденцию, и участник германской оккупации Франции. С первой недели русской кампании Пабст вел дневник в форме писем родителям и друзьям во Франкфурте-на-Майне. Особенно часто он обращался к отцу, воевавшему против России в Первую мировую войну 1914–1917 годов.

При том что над ним довлела цензура полевой почты, Пабст смог рассказать о трех летних и двух зимних периодах жестоких боев не только с точки зрения солдата, исполняющего воинский долг, но и с позиции человека, с искренней симпатией относившегося к русским и проявившего полное отвращение к ведущему войну высшему руководству. Между строк можно увидеть все более выраженный сарказм, который достигает своего апогея в отвержении всей пропаганды, которую рядовой молодой немец – вовсе не нацист – неосознанно впитал при Гитлере. Его позиция многими не может быть понята и принята, но с исторической точки зрения взгляд человека иной идеологии, безусловно, интересен.

Отдельные, выделенные курсивом выдержки призваны обозначить определенные события на общем фоне войны. Само повествование не исправлялось, а высказываемые замечания не пояснялись, ведь Пабст принял участие в боевых действиях осенью 1943 года.

Глава 1
НАСТУПЛЕНИЕ НА СМОЛЕНСК

Трудно поверить в то, что это произошло всего два дня назад. На этот раз я был в первом атакующем эшелоне. Подразделения бесшумно подтягивались к своим позициям, переговаривались шепотом. Скрипели колеса штурмовых орудий. За две ночи до этого мы произвели рекогносцировку местности, теперь поджидали пехоту. Пехотинцы подошли темными, призрачными колоннами и двигались вперед через поля капусты и зерновых злаков. Мы шли вместе с ними, чтобы действовать в качестве артиллерийского подразделения связи 2-го батальона. На картофельном поле поступила команда «Окопаться!». Батарея номер 10 должна была открыть огонь в 3.05.

3.05. Первый залп! В тот же момент все вокруг ожило. Огонь по всему фронту – пехотные орудия, минометы. Сторожевые вышки русских исчезли в огневых вспышках. Снаряды обрушились на батареи противника, местоположение которых было установлено задолго до атаки. Гуськом и развернутым строем пехота ринулась вперед. Болото, канавы; ботинки, полные воды и грязи. Над нашими головами от позиции к позиции велся заградительный огонь. Огнеметы выдвинулись против опорных пунктов. Пулеметный огонь и пронзительный свист пуль. Мой молодой радист с сорока фунтами груза за спиной в первые полчаса чувствовал себя несколько ослабленным. Затем у казарм в Конопках нам было оказано первое серьезное сопротивление. Передовые цепи застряли. «Штурмовые орудия, вперед!»

Мы были с командиром батальона на маленькой высотке, в пятистах метрах от казарм. Нашим первым раненым стал один из посыльных. Только мы установили радиосвязь, как вдруг нас обстреляли из ближних казарм. Снайпер. Мы впервые взялись за винтовки. Хоть мы и были связистами, но, должно быть, стреляли лучше – стрельба снайпера прекратилась. Наша первая добыча.

Наступление продолжалось. Мы продвигались быстро, иногда прижимаясь к земле, но неотступно. Траншеи, вода, песок, солнце. Все время меняем позицию. Жажда. Нет времени поесть. К десяти часам мы уже стали бывалыми солдатами, повидавшими немало: брошенные позиции, перевернутые бронеавтомобили, первых пленных, первых убитых русских.

Ночью три часа мы сидели в окопе. С флангов нам угрожали танки. И снова нашему продвижению предшествовал заградительный огонь. По обе стороны от нас – атакующие батальоны. Совсем близко возникали яркие вспышки. Мы оказались прямо на линии огня.

Первая сожженная деревня, от которой остались одни только трубы. Там и сям – сараи и обычные колодцы. Впервые мы оказались под артиллерийским огнем. Снаряды издают необычный поющий звук: приходится быстро окапываться и зарываться в землю. Постоянно меняем позицию. Мы опускаем нашу аппаратуру на землю. Прием, в отличие от вчерашнего, был хороший. Но едва успели принять донесение, как батальон двинулся дальше. Мы бросились догонять его.

Около трех часов прошли через линию траншей, марш между болот. Вдруг – остановка. Кто-то скомандовал: «Противотанковые орудия вперед!» Пушки пронеслись мимо. Затем на пути – песчаное пространство, покрытое зарослями ракитника. Оно протянулось примерно на два километра до главной дороги и реки, у крепости Осовец.

На завтрак у нас был кусок хлеба. На обед – один сухарь на четверых. Жажда, жара и этот проклятый песок! Мы устало протрусили вдоль, поочередно неся груз. В ботинках хлюпала вода, в них забились грязь и песок, лицо покрывала двухдневная щетина. Наконец – штаб-квартира батальона, на краю равнины. Вверху у реки – наш аванпост. Русские точно знают, где мы.

Быстро окапываемся. Видит Бог, не слишком-то быстро. Мы уже точно знаем, когда приближается снаряд, и я не могу удержаться от смеха, когда мы с головой зарываемся в наши норы, припадая к земле, как мусульмане во время намаза. Но наконец – хорошего понемножку – пехота оттягивается назад. Мы свертываем аппаратуру и во время паузы в артобстреле делаем рывок. Справа и слева от нас бегут другие, и все мы одновременно плюхаемся в грязь. Я не могу удержаться от смеха.

Добравшись до относительно безопасного места, сосредоточились в окопе и стали ждать темноты. Разделили между собой последние сигареты. Комары совершенно обезумели. Стало поступать больше сигналов. Я чуть с ума не сошел, расшифровывая их, потому что мой фонарь привлекал еще больше комаров. И снова появилась пехота, возвращающаяся с огневого рубежа. Мы не совсем понимали, что происходит.

Мы знали, что где-то должна быть высота, глубокий окоп. Там нас ждали суп и кофе – столько, сколько мы хотели. Пройдя в сумерках еще два километра, мы завершили рейд у одной из наших батарей. Вскоре уже лежали рядом друг с другом, натянув куртки на уши. Русские снаряды пожелали нам спокойной ночи. Когда мы снова вылезли около четырех часов, то обнаружили, что находимся в сотне метров от нашей штаб-квартиры.

Час спустя мы двигались маршем на запад, затем на север. Когда опустилась ночь, мы были возле села Августова, церковь которого с ее двумя куполами напомнила мне об отце. Немного поодаль от Августова в направлении Гродно нам вновь объявили состояние боеготовности. Мы должны были быть готовы к половине одиннадцатого. Нас разбудили в половине первого, и в конце концов мы вышли в пять часов утра. Ситуация все время менялась; фронт приближался очень быстро. Мы шли маршем на Гродно, где нас должны были бросить в бой. Справа и слева подступали болота. Целая танковая бригада русских, предположительно где-то справа, но такого рода вещи никогда не увидишь. (Видишь только комаров – их в избытке – и ощущаешь пыль.)

Наконец вечером проселочными дорогами мы вошли в деревню и по таким же дорогам прошагали через Липск. Повсюду клубы пыли поднимались в воздух и медленно клубились за колоннами вдоль дорог.

Дорога на Кузницу вся засыпана песком, разбита, изрезана колеями, и на ней полно воронок от снарядов. Она спускается вниз, как дно высохшего моря. С трудом форсированным маршем пересекаем склоны, иногда путь вьется змейкой. Наверное, это как в наполеоновскую кампанию. Ночью мы останавливаемся где-нибудь среди песков. Свежо, и идет дождь. Мы, дрожа, заползаем под автомашины. Утром продолжаем движение, грязные и пыльные, со струйками стекающего пота. Кузница. По сторонам узкой дороги, по которой мы шагаем, расположены три кладбища – католическое, православное и еврейское. Первая на нашем пути православная церковь с ее луковичными куполами. Между тем однообразная равнина сменилась прелестным парковым ландшафтом. Сады, раскинувшиеся вокруг домов, скромное притязание на красоту, незатейливые украшения на домах и – фруктовые деревья.

Это местечко частично подверглось разрушениям. Выгорел целый квартал. В одном из домов уцелели кухня и кусок трубы. Мужчина и женщина ползают вокруг нее, и из этого уголка идет дымок. Старик в тулупе с босыми ногами сидит на стуле, счастливо нам улыбаясь. Его красный нос любителя спиртного выделяется на фоне жидкой неухоженной бороды.

Через час мы вышли на приличную твердую дорогу, двигаясь по направлению к Н. С нами шла легкая артиллерия; лошади и орудия, приближавшиеся к вершине подъема, через которую мы перевалили, выглядели как вырезанные из бумаги фигурки. Не жарко. Слегка холмистая равнина и без пыли. Чудесное утро. Крытые соломой деревянные дома, может быть, и были ветхими, но деревенская церковь белела и блистала на холме наглядным символом своей власти.

Этот марш больше утомляет, чем бой. Полуторачасовой отдых: от часа тридцати минут до трех. Позднее, когда мы шли на марше, луна была у нас за спиной, а мы направлялись к темному, угрожающему небу. Это было как шагать в темную дыру; призрачный ландшафт был блеклым и голым. Мы час проспали как убитые и встали на нетвердых ногах с ужасной тяжестью в желудке. Нежное утро. Бледные, красивые цвета. Просыпаешься медленно, а на каждом привале спишь. В любое время при продвижении вперед можно видеть солдат, спящих у обочин, там, где они опустились на землю. Иногда они скрючиваются, как мертвые, или же, как пара мотоциклистов, которых я видел этим утром, счастливы тем, что сами по себе, спина к спине, отдыхают в длинных шинелях и стальных касках, расставив ноги и засунув руки в карманы.

Мысль о том, что нужно вставать, с трудом проникает сквозь дурман сна. Пробуждение заняло у меня много времени. Когда я будил своего соседа, он продолжал лежать в положении откинувшись назад с совершенно безжизненным лицом. Я подошел к другому, выполнявшему обязанности часового, у него были глубокие морщины на лице и лихорадочно блестевшие глаза. Еще один начал писать письмо своей девушке и заснул за этим занятием. Я осторожно вытащил лист; он не смог написать и трех строчек.

13 июля 1941 года. Двинулись в 16.30 как раз перед грозой. Мы ужасно потели. Гроза налетела грохочущей пеленой. Это облегчение, но духота не исчезла. Четыре часа мы шагали в неимоверном темпе без остановок. Даже после этого нас обманывали каждый раз, когда мы останавливались отдохнуть; мы двигались дальше почти сразу же. С наступлением ночи нам дали отдохнуть всего три четверти часа.

Ночь. С холма, где мы стояли, нам были видны огни, рассыпавшиеся далеко на горизонте. Сначала я подумал, что это заря. Желтая пыль зависла вокруг как туман, лениво расходясь в стороны или окутывая придорожный кустарник.

Когда на горизонте красным шаром поднялось солнце, у нас возникла проблема с тягловой силой. При слабом свете фургон нашего пункта воздушного радионаблюдения – гигант на огромных колесах, служивший когда-то полевой фуражной дачей французов, – сошел с бревенчатого настила дороги. Лошадь запуталась в постромках, а две другие, которых вели по настилу впереди, чтобы проторить дорогу, завязли в болоте и запутались в проводах полевой связи. Чертовщина какая-то. С помощью свежих лошадей и еще одной пары им в помощь мы вызволили застрявший фургон и поспешили за своей частью. Мы нашли своих скорее, чем ожидали, – в нескольких километрах впереди, в лесу у озера. Весь лес был заполнен войсками и штабелями боеприпасов, занявших все свободное место до последнего квадратного метра. Мы разогрели обед и разбили палатку, а когда заползли внутрь, пошел дождь. В маленькую дырку в брезентовом верхе капли дождя просачивались, попадая мне на лицо, но погода была все еще душной, так что это мне даже нравилось. Кроме того, я очень устал.

Утром спустился к озеру. Вода была теплой. У меня было время, чтобы постирать нижнее белье, которое уже приобрело серо-землистый цвет.

16 июля. Продолжили движение в 14.00. Мы шагали до дрожи в коленях до самого пункта Л. Он был уже совсем близко, а нам ужасно хотелось пить. В деревне одна из наших лошадей потеряла подкову. Разразилась гроза, и я вместе с другими задержался, чтобы найти кузнеца в одной из следовавших сзади батарей. Наш собственный кузнец остался далеко позади, чтобы починить полевую кухню, у которой сломалась задняя ось.

Мы нашли кузнеца. Кое-кто из ребят дал нам хлеба, чаю, сигарет и сигаретной бумаги, и мы поехали в сгущавшиеся сумерки и в новую грозу. Лошади продолжали шарахаться из стороны в сторону, не различая пути. Наконец через час мы вышли к тяжелым силуэтам орудий на краю дороги, отставших от части. Под дождем темные фигуры притулились у машин или лежали под ними странно выглядевшими грудами. Я нашел всех своих спутни-

ков лежавшими под деревьями. Они крепко спали, а лошади склонили головы на шею друг дружке. Между пятью и шестью утра мы вышли в назначенный для отдыха район на лугу, чуть выше одной из деревень. Подъем был в полдень, в четыре часа – в путь. Четыре часа марша в мокрых ботинках. К вечеру стало прохладно. Дорога поднималась и опускалась при однообразном ландшафте, а издалека доносился шум стрельбы. У дороги виднелись воронки от бомб. К 2.20 мы свернули на участок, поросший травой.

Холодно и сыро при противном пронизывающем ветре. Мы набрали мокрого сена и соорудили палатку. У кого-то нашлась свеча. Теперь, когда мы влезли внутрь, неожиданно стало вполне уютно: четыре человека, удобно устроившихся в укрытии вокруг дружелюбного теплого света. Кто-то сказал: «Мы не забудем этот вечер», и все были согласны.

20 июля 1941 года. Сегодня ровно четыре недели. С тех пор, как мы пересекли границу Германии, преодолели 800 километров; после Кульма – 1250. На восемнадцатую ночь точное расстояние от пересечения дорог в Штанкене, где нас собрали для того, чтобы мы двинулись в направлении Граева и Осовца, равнялось 750 километрам.

Я сижу на скамейке у домика паромщика. Мы ждали остальных из нашей части, чтобы начать трудную переправу через Западную Двину, которую наша маленькая группа преодолевала верхом на лошадях в течение часа. Рассчитанный на груз в восемь тонн, аварийный мост с односторонним движением не мог пропустить весь поток переправляющихся. У подножия крутого берега толпы военнопленных помогают строить второй мост. Босые люди, из числа гражданских, вымученно копошатся над обломками старого моста, перекрывшего маленькую реку. На переправу может быть затрачено немало часов; руки ста пятидесяти пленных, для того чтобы толкать, – в нашем распоряжении.

Город Витебск весь в руинах. Светофоры повисли на трамвайных проводах, как летучие мыши. С ограды все еще улыбается лицо на киноафише. Население, большей частью женщины, деловито бродит между руин в поисках обуглившихся досок для костра или брошенной утвари. Некоторые улицы на окраинах остались неповрежденными, и то и дело как по волшебству встречается уцелевшая маленькая лачуга. Некоторые девушки одеты довольно красиво, хотя иногда на них фуфайки, в руках авоськи, а ходят босыми и с узлом за спиной. Там были крестьяне из сельской местности. У них овчинные тулупы или ватные куртки, а на головах у женщин платки. На окраинах живут рабочие: бездельничающие молодые люди и женщины с наглыми физиономиями. Иногда поражаешься при виде человека с красивой формой головы, а потом уже замечаешь, как бедно он одет.

Приказ продолжить наш марш был отменен в последний момент. Мы остановились и ослабили упряжь. Затем, когда собирались уже задать лошадям четверть нормы овса, пришел новый приказ. Мы должны были выступить немедленно, двигаясь ускоренным маршем! Переправа для нас была очищена. Мы двинулись назад, сначала на юг, в главном направлении на Смоленск. Марш оказался мирным, правда, по жаре и в пыли, но всего только на восемнадцать километров. Но после легкого дня перед этим напряжение и усталость заставили меня забыть о красотах ландшафта. Мы прикомандированы к пехотной дивизии, которая выдвигалась еще дальше на восток; и действительно, мы шагали днем и ночью и продолжаем шагать.

Перед нами расстилались поля тихо колышущейся кукурузы, гектары ароматного клевера, а в деревнях – вереницы потрепанных непогодой крытых соломой хат, белая возвышающаяся церковь, которая использовалась и для других целей, а сегодня в ней вполне могла разместиться полевая пекарня. Можно увидеть выстроившихся в очередь к нашей пекарне за хлебом местных жителей под руководством улыбающегося солдата. Можно увидеть вопросительные взгляды пленных, которые под строгим взглядом конвоя снимают пилотки. Все это можно увидеть, но только в полудремотном состоянии.

В 2.00 я разбудил передовую группу, спустя полчаса – весь отряд. В половине пятого мы тронулись в путь. Сейчас половина шестого вечера 26 июля. Я лежу потный и в пыли на обочине дороги у подножия холма. Отсюда нам предстоит пройти протяженный открытый участок дороги. Вдали слышен гул. После Суража активизировала действия авиация, целые экскадрильи наших пикирующих бомбардировщиков, эскортируемые истребителями, совершали налеты на противника. Вчера три русских бомбардировщика кружились над нашим озером, после того как сбросили в нескольких километрах отсюда свой бомбовый груз. Прежде чем они скрылись из виду, мы видели, как наши истребители со свистом пронеслись за ними, садясь им на хвост, и пулеметы застрочили в жарком полуденном воздухе.

Несколько дней назад нам попадалось все больше и больше беженцев, затем на дорогах стало менее оживленно, и мы миновали лагеря для перемещенных лиц, в которых было от тысячи до тысячи двухсот пленных. Здесь не что иное, как линия фронта. В деревнях огромное число домов покинуто. Оставшиеся крестьяне таскают воду для наших лошадей. Мы берем лук и маленькие желтые репки с их огородов и молоко из бидонов. Большинство из них охотно делятся всем этим.

Мы продолжили движение по дороге, соблюдая интервалы. Далеко впереди, на краю леса, поднимаются грибообразные клубы дыма от взрывов снарядов. Мы свернули, прежде чем дошли до этого места, на вполне сносную песчаную дорогу, которой, казалось, не будет конца. Наступила ночь. На севере небо все еще оставалось светлым; на востоке и на юге оно освещалось двумя горящими деревнями.

Над нашими головами бомбардировщики выискивали цели и сбрасывали бомбы вдоль главной дороги позади нас. Мои всадники тряслись и покачивались в седлах на своих лошадях. В половине четвертого мы стали поторапливаться; в четыре наш фургон заспешил на командный пункт. Сейчас семь часов, и я лежу тут, несколько позади него, с двумя развернутыми секциями радиостанции наготове.

Спокойная обстановка в послеполуденные часы. Мы проснулись и поели, опять легли спать, а затем были подняты по тревоге. Тревога оказалась ложной, и мы продолжали спать. Внизу через луг под конвоем переправлялись в тыл взятые в плен русские. При вечернем свете все кажется таким дружелюбным.

День выдался прекрасным. Наконец у нас появилось немного времени для своих личных дел. Война идет с перерывами. Никаких решительных действий. Противотанковая пушка или танк открывает огонь – мы отвечаем своими минометами. Пушка издает неприятные вздыхающие звуки. Затем после нескольких выстрелов – тишина.

Наши батареи интенсивным огнем обстреливают наблюдательный пункт противника, и русские «угощают» нас несколькими снарядами. Мы жуем свой хлеб и наклоняемся, когда начинает играть «музыка». Можно заранее определить, откуда она доносится. Наверху на холме адъютант сообщает: «Танки атакуют тремя колоннами по фронту, господин гауптман!» – «Передай артиллеристам!» – отвечает капитан и спокойно заканчивает бритье.

Примерно три четверти часа спустя танки идут на нас массой; они так близко, что заходят в тыл нашего холма. Обстановка становится довольно напряженной. Два наблюдательных пункта сворачиваются и уходят, командный пункт отряда и штаб-квартира батальона остаются. Тем временем наша пехота снова выдвинулась к горящей деревне. Я лежу в воронке на холме. В ситуациях, подобных этой, всегда испытываешь удовлетворение оттого, что видишь то, что отделяет зерна от плевел. Большинство испытывает страх. Лишь немногие остаются веселыми. И это те, на кого можно положиться.

30 июля 1941 года. Прошлой ночью мы видели световой сигнал, который подавали наши, примерно в двадцати километрах отсюда. Кольцо вокруг Смоленска сжимается. Обстановка становится спокойней.

В основном из-за медленного продвижения германской пехоты по труднопроходимой местности значительное число советских войск фактически избежало окружения. С их помощью была возведена линия обороны на Десне, которая тем самым подвергла наступающих немцев первой настоящей проверке.

Отступая, русские поджигают за собой свои деревни; пожары полыхали всю ночь. До полудня сегодняшнего дня мы имели возможность увидеть фонтаны вздымаемой вверх грязи при разрывах тяжелых снарядов. Армейский корпус вступает в бои, двигаясь с юга на север. Враг оказывает отчаянное сопротивление; в лесу вновь свистят пролетающие снаряды. Ближе к вечеру мы были готовы сменить позицию, двигаясь на восток. Котел окружения, того и гляди, будет разбит. Когда стемнело, мы спустились от холма и прокатились двенадцать километров на восток по автостраде. Это была широкая, в хорошем состоянии дорога, на которой там и сям попадались развороченные танки и грузовики. Мы направляемся прямо к середине «котла», к новому фронту, который уже виднеется на горизонте.

Шагали всю ночь. Огонь двух пылающих деревень мягким светом отражается на синевато-серой облачной гряде, все время разбиваемой грозными вспышками взрывов. Всю ночь напролет не умолкал низкий раскатистый грохот. Затем к утру облачная гряда приобрела бледный розовато-лиловый оттенок. Цвета отличались странной красотой. Постепенно сонливость ушла из тела, и мы снова были готовы действовать. Достали стальные каски и шинели. Через два часа мы должны были быть готовы к бою; атака намечена на 6.00.

19.00. Конец суматохи дня. Через маленький сектор обзора невозможно получить общую картину, но кажется, что русские моментально отрезали нам дорогу, по которой осуществлялось снабжение, и оказывали значительное давление на нашем фланге. Во всяком случае, мы быстро отходили по дороге, которая до этого была такой спокойной. Совсем близко мы увидели впереди ведущие огонь наши батареи, которые обстреливали склон холма и деревню снарядами бризантного, ударного и замедленного действия. В то же время со всех сторон со свистом пролетали гильзы пехотинцев. Поставив свои машины в ложбине, мы пошли на опушку небольшого леса, в котором было полно штабных офицеров. Даже там не следовало высовываться без нужды.

В такие моменты я не любопытен. Все равно ничего не увидишь, и в любом случае для меня не имело значения, насколько далеко они вклинились в наш фланг. Я знал, что, когда они подойдут на достаточное расстояние, у нас еще будет возможность «перекинуться парой слов» друг с другом. А до этого времени я собирал землянику и лежал на спине, надвинув на лицо стальной шлем, – положение, в котором можно прекрасно поспать, максимально прикрывшись. Мы были в нескольких метрах от генерала и нашего командующего дивизией. Поразительно, в каких ситуациях могут оказываться высшие офицеры при таком размытом фронте, как этот.

Тем временем наша пехота прочесывает лес впереди нас, наши танки атакуют русские танки, разведывательные самолеты летают над позициями, а артиллерия подготавливает путь для пехоты. Трем русским самолетам удалось сбросить бомбы на наши позиции полчаса назад, но наши истребители сели им на хвост, и они не могли уйти очень далеко.

Рассказывать о событиях 4 августа будет не так просто, особенно когда мы на марше.

Меня позвал часовой и сказал, что мне нужно работать с отделением радиосвязи 7-й роты. Сержант и еще трое с ним пошли разыскивать роту. Они были в соседней деревне, и мы двинулись вместе с ними. Единственная разница между нами состояла в том, что пехотинцы носили легкую походную форму, в то время как у нас был комплект оборудования. Снаряжение было горячим и плотно прилегало. Мы не часто вступали в боевой контакт с противником, но с трудом проходили от шести до восьми километров через луга, пробираясь через низкорослые кустарники. Идеальная местность для игры в прятки.

Пересекли «почтовую дорогу». Еще через два километра нас обстреляли из рощи, в которой, по сообщениям, никого не должно было быть. Начались активные действия. Газометы, противотанковые и штурмовые орудия вступили в бой. Появились четыре русских танка, три из которых были быстро подбиты. Один из них зашел к нам с левого фланга от деревни Лешенко и некоторое время доставлял беспокойство. Мы с командиром роты находились в маленькой лощине и попали под огонь снайпера, так что и носа не могли высунуть из своего укрытия. Доносились крики: «Танк противника впереди!» Слева послышалось русское «Ура!».

Он звучит чудно, этот боевой клич, и появляется неловкая суетливость, если вы не знаете, что происходит в пятистах метрах от вас. Вы обращаетесь в слух, вслушиваетесь в усиление и затихание шума, распознавая разницу между звуком пулеметных очередей наших и противника. У русских пулеметов глухой кашляющий звук, в то время как наши производят щелчки высокого тона.

Атака отбита, и мы попытались связаться с нашим командным пунктом. До сих пор связь была отличной; теперь она вдруг прервалась. Мы сидели слишком низко в своей лощине. До тех пор, пока не сможем подняться выше, нам придется оставить эту попытку. Ночь спустилась, а стрельба с перерывами все еще продолжалась. Мы не могли вернуться назад, потому что ситуация на дороге, ведущей в тыл, была неясной. Мы оставались на месте и смотрели на горящую деревню Лешенко.

Огонь, открытый нашими же войсками, был беспорядочным и привел к тому, что еще больше русских поднялось со своих позиций, когда оставаться на них становилось «жарко». Это жестокий способ, но невозможно предпринять что-либо еще. Как-то само собой с этого момента сражение стало явно более ожесточенным и безжалостным и с нашей стороны; и только тот, кто тут побывал, поймет почему. Ночью произошли еще два события, цена которых была для нас – двое убитых и один тяжело раненный. Теперь я знаю значение слова «бесстрашие».

Утром, когда мы проснулись, нас встретила приятная тишина. Ни единого выстрела. Приспел кофе, а оператор коммутатора связи как раз говорил ребятам на наблюдательном пункте: «Пока не видно ни одного самолета, и артиллерия оставила нас в покое», когда послышался свист и взрыв – первый снаряд упал примерно в двухстах метрах справа. Лейтенант выругался, как будто не подозревающий ни о чем оператор привлек к нам внимание русских, – а мы засмеялись. После этого стало тихо, почти ни единого выстрела, за исключением того, что произошло в середине дня, когда я вышел на дорогу показать машинам с фуражом дорогу на командный пункт. Именно тогда наш старый друг танк громом огласил окрестности. Вырвалось уродливое красное пламя с черным дымом, и раздались хлопки выстрелов.

Это странно. Как только мы втягиваемся в новый бой и слышим гром пушек, мы становимся счастливыми и беззаботными. Каждый раз, когда это происходит, наши ребята начинают петь, становятся веселыми и у них появляется хорошее настроение. Воздух наполняется новым запахом свободы. Те, кто любит опасность, – хорошие парни, даже если они не хотят это признавать.

Время от времени снаряд вылетает с одной из батарей. Он издает звук подобно мячу, подброшенному очень высоко в воздух. Слышно, как он летит дальше. Затем, через некоторое время после того, как замолкает свист, слышен отдаленный глухой звук его разрыва. У русских снарядов совершенно иной звук, похожий на грохот сильно хлопнувшей двери.

Этим утром была слышна интенсивная пальба где-то вдали, а так со вчерашнего дня было очень тихо. Наверное, русские понимали, насколько слабы их атаки; наверное, они следят за нашими путями снабжения, чтобы внезапно атаковать с тыла. Мы можем подождать.

Мы можем спокойно наблюдать за этим, так же как мы наблюдаем за тем, как они роют траншеи, предназначенные для защиты подступов к пункту Белый. Это странная война.

Прошлой ночью я поднимался вверх в качестве помощника с Арно Кирхнером. Целый час требуется для того, чтобы с командного пункта добраться до наблюдательного. Между деревьями повис легкий туман, а трава и кустарник были отяжелевшими от дождя. Мы пробирались на ощупь по тропе мимо лощин и откосов к Монастырскому.

Там была дорога. Повсюду призрачная тишина. Фронт совершенно спокоен, за исключением вздымающихся вверх отдельных мерцающих вспышек, одиноко светивших белым как мел светом в поглощавшей все звуки мгле.

В деревне были видны полоски света из погребов и землянок; где-то украдкой светился огонек сигареты – молчаливый часовой, дрожащий от холода. Было поздно, ближе к полуночи. Лужи в воронках от снарядов отражали звезды. «Не случалось ли все это уже раньше? – подумал я. – Россия, Фландрия, солдаты на переднем крае?..» Иногда какая-нибудь картина озадачивает вас подобным образом. Думаешь: должно быть, подобное уже было в прежнюю войну. Теперь то же самое – время стерлось.

Мы спешили и лишь перебросились друг с другом несколькими замечаниями, указывая на воронки. Спицы и колеса в канаве, останки здешней повозки. «Прямое попадание», – сухо сказал Арно. Что еще можно сказать? Это чертова дорога, ведущая прямо к врагу, в Белый.

«Будь осторожен, мы, должно быть, вблизи перекрестка, затем еще пятьдесят метров». Мы пробирались через провода и траншеи коммуникаций.

Наконец появился наш солдат с радиостанцией и телефонной трубкой на расстоянии десяти метров от нее. Ребята стояли вокруг, дрожа от холода, по грудь в мокром окопе, каждый с плащ-палаткой через плечо. Я передал по телефону распоряжение сворачиваться; мы сменили радиопередатчик, и я попытался установить контакт.

Проскользнул в мокрый окоп, рыхлые и пропитанные водой стенки которого были покрыты гнилой соломой, и нашел узкое место, которое было сухим. Чтобы протиснуться в него, требовалась некоторая сноровка, при этом сначала протискиваются ноги. На полпути вниз потолок обрушен; боковые стенки недостаточно толсты, чтобы противостоять вибрации. Окоп был очень тесным. Из предосторожности я засунул свою стальную каску и противогаз под две самые толстые перекладины, но, поскольку на дне окоп был уже, чем в верхней части, опасность быть погребенным заживо не слишком велика. Это правда, что потолок обвалился, когда кто-то проходил по окопу, но я натянул на голову одеяло и, еще раз прислушавшись к тому, что происходило снаружи, спокойно заснул.

Глава 2
МЕЧ НАД ТИШИНОЙ

В то время как танковые силы группы армий «Юг» окружили и взяли в плен 600 000 русских у Киева, группа «Север» бомбардировала Ленинград[1]*. Сентябрь застал группу армий «Центр» готовившейся к возобновлению наступления на Москву. Основное наступление началось 2 октября и увенчалось захватом еще 600 000 русских под Вязьмой. Дорога на Москву теперь, казалось, была открыта. Наше подразделение было составной частью 9-й армии, которая прикрывала левый фланг 4-й танковой армии. Последняя продвинулась на семьдесят километров к северо-востоку, приблизительно в направлении на столицу, а потом вдруг нанесла удар в северном направлении на Калинин.*

Утром начался дождь, и он все еще шел, когда мы двинулись в час дня. Мелкий моросящий дождь из низких облаков, серый и мглистый ландшафт, как Вестервальд иногда бывает осенью. Мы еле тащились через мокрый луг и по заболоченным дорогам с нашими двумя машинами. Где-то мы вновь наткнулись на батарею, и длинная колонна с трудом двигалась вперед. Машины буксовали и скользили, вязли и застревали. Лафет орудия провалился в ров и к следующему утру все еще был там.

Когда стемнело, мы обнаружили нечто вроде землянки, в которой располагался временный командный пункт. Там мы ползали, пытаясь устроиться. К тому времени, как с этим покончили, наши шинели были твердыми от мокрого песка и глины. Мы нашли землянку с лазом такого размера, как вход в крольчатник. Я ощупью пролез внутрь и нащупал нишу, накрытую соломой. Моя рука коснулась чьего-то ремня. Я подумал: это мне прекрасно подойдет. Затем сложил оборудование в различных других нишах, а когда немного позднее вернулся обратно, в землянке уже был свет.

Свет в узком окне выглядел уютно на фоне дождя. Внутри я нашел двух связистов из 12-й батареи, которые устроились здесь днем раньше. В нашей собственной команде было трое, а спальных мест тут всего четыре. В этом укрытии было не повернуться, все заняли наша мокрая одежда и оборудование. Но какое это имело значение? Крыша, коптящая свеча, сигарета, а когда вас достаточно много, вы быстро согреваетесь.

Кто-то вылил воду из своих ботинок, кто-то приготовился стоять в карауле. Антеман и я легли спать вповалку: один головой на запад, другой – на восток. Мы не могли повернуться; для этого мы прижались друг к другу слишком замысловато.

Вчера мы весь день занимались устранением поломок, которые возникли в нашем оборудовании и вооружении в результате этого последнего марша.

Но зато у нас выдался спокойный вечер. Мы стояли перед своей землянкой, как крестьянин у ворот своего двора, пока дождь не загнал нас внутрь. Здесь, в нашем углу, все еще спокойно, но фланг, немного южнее, время от времени подвергается некоторому обстрелу из тяжелых орудий. Русские используют для этого дальнобойные пушки. Засунув руки в карманы, вы обозреваете все это, совсем как крестьянин смотрит на свою картошку и говорит тоном знатока: «Поспевает совсем неплохо».

Во всем этом нет ничего героического. Не следует употреблять это слово в несвойственном ему значении. Мы не герои. Еще вопрос, храбры ли мы? Мы делаем то, что нам велят. Может быть, бывают моменты, когда колеблешься. Но все равно идешь и идешь «непоколебимо». Это значит, что ты не подаешь виду. Храбрость ли это? Я бы так не сказал.

---

[1] Речь идет о начале блокады Ленинграда. (*Здесь и далее примеч. ред.*)

Это не более того, что вы могли бы ожидать; вы просто не должны проявлять страх или, что еще важнее, не должны быть охвачены им. В конце концов, не существует ситуации, с которой не смог бы справиться ясный, спокойный разум. Опасность велика лишь настолько, насколько это позволяет ей наше воображение. А поскольку мысль об опасности и ее последствиях делает вас лишь неуверенными в себе, для самосохранения принципиально важно не позволять воображению одержать верх.

Целыми днями подряд, а нередко и неделями ни единая пуля или осколок снаряда не пролетает настолько близко от нас, чтобы мы слышали их свист. В такое время мы мирно жарим картошку, и даже в дождь (который как раз барабанит сейчас по нашей крыше) огонь не гаснет. Но даже когда свист раздается довольно близко, расстояние между летящими пулями и снарядами и нами еще достаточно велико. Как я говорил, нужно только оставаться спокойным и быть начеку.

Отец понимал это очень хорошо. Я всегда счастлив, когда читаю его письма, и они согревают мое сердце от ощущения, что он понимает все это в силу своего собственного боевого опыта.

Это ведь совсем не так уж скверно, а, отец?

Конечно, нам приходится противостоять различным видам оружия, но и у нас самих самое различное вооружение. Танк может быть неуклюжим, действуя против вас, если у вас есть противотанковое ружье. Но в самом худшем случае вы всегда можете нырнуть в укрытие и позволить ему пройти мимо. И даже такой монстр отнюдь не неуязвим для одного человека – при условии, что нападаете на него сзади. Вот такой поступок, совершенный по доброй воле, я бы и назвал храбрым.

В целом война не изменилась. Артиллерия и пехота все еще преобладают на поле сражения. Возрастающая боевая мощь пехоты – ее автоматическое оружие, минометы и все остальное – не так уж плоха, как полагают. Но приходится признать самый существенный факт – перед вами жизнь другого человека. Это война. Это торговля. И это не так трудно.

И опять же, так как оружие автоматическое, большинство солдат не осознают все значение этого: вы убиваете людей на расстоянии, и убиваете тех, кого не знаете и никогда не видели. Ситуация, в которой солдату противостоит солдат, в которой вы можете себе сказать: «Этот – мой!» – и открываете огонь, может быть, более обычна для этой кампании, чем для предыдущей. Но она возникает не так часто.

22 сентября 1941 года. Между восемью и девятью вечера. Мы сидим в землянке. Так жарко, что я разделся до пояса. Пламя нашего огня так высоко и ярко, что дает слишком сильный жар. Это наш единственный источник света.

Мы все сидим на скамье, на коленях у нас блокноты, с нежностью думаем о доме – Гейнц о своей жене, ожидающей ребенка, я – о вас, дорогие родители и друзья. Мы хотим, чтобы вы знали, что у нас все прекрасно на самом деле и, говоря совершенно искренне, в какие-то моменты мы счастливы совершенно, потому что знаем, что при сложившихся обстоятельствах лучше не может быть.

Все это сделано нашими руками – скамейка, кровати, очаг; и дрова, которые мы заготовили из обломков обрушившейся крыши и принесли сюда, чтобы подбрасывать в огонь. Мы принесли воды, накопали картошки, накрошили лука и повесили над огнем котелки. Есть сигареты, полевая кухня варит кофе, а лейтенант дал нам это оставшееся время на перерыв. Мы собрались все вместе в одной дружной компании и устроили маленький праздник.

Гейнц сидит у огня, я слушаю музыку по радио. Он также скинул свою последнюю одежду. Он потеет, как поджариваемый на сковороде, и мы усмехаемся друг другу, отрываясь от письма, или смотрим на огонь, или тянемся за своими кружками. Какое нам дело до того, идет ли дождь или раздаются взрывы снаружи, если стреляют из 150-миллиметровых

или 200-миллиметровых орудий?! Нам тепло, уютно, безопасно настолько, насколько это возможно; и вряд ли кто-нибудь вытащит нас отсюда. На Восточном фронте все спокойно. Операции идут по плану. Пусть себе идут, старина, мы за ними не последуем, во всяком случае, не сегодня…

Когда я поднялся утром, повсюду был иней. Я обнаружил толстый кусок льда в мешках для воды. Зима уже не за горами.

Последний день сентября. Настроение тоскливое. Еще тягостнее становится при звуках игры на струнном инструменте. Танцуют языки яркого пламени. Мы развесили наши наушники где попало – на торчащих корнях, винтовочных прицелах. Скрипки звучат повсюду.

Трубы дымят во всех землянках. Это прямо целая деревня, наполнившая дымом маленькую долину. С каждой стороны землянки сделан наклонный срез. Вы входите в нее на уровне поверхности земли, а между двумя рядами землянок есть расстояние на ширину узкой улочки. Там можно поставить одну транспортную единицу, и, как правило, это наш фуражный фургон – лошадка и повозка. Когда он прибывает, все вылезают из своих щелей, «деревня» приходит в движение. В течение дня не то чтобы всегда спокойно, потому что ребята рубят дрова и таскают воду или возвращаются из походов за провизией на картофельное поле. Не бывает тишины и по вечерам, когда они устраивают перекуры и беседы, или разносят последние известия из землянки в землянку, или теснятся вокруг того, кто пришел с последними новостями.

Каковы бы ни были новости, мы собираемся вместе, как кусочки мозаики. Кто-то видел танки, желтые, предназначавшиеся для действий в Африке. Теперь они повернули сюда. Кто-то еще видел штурмовые орудия. И кто-то из газометчиков пришел по ошибке. Все виды специального оружия – в большом множестве – орудия всех калибров; все они сосредоточились в этом секторе. Оно накапливается с суровой неизбежностью, как грозовые тучи. Это – меч над тишиной – вздох для нанесения удара, который может оказаться мощнее, чем любой из тех, что нам приходилось видеть до сих пор.

Мы не знаем, когда он будет наноситься. Мы только чувствуем, что покров над тишиной становится все тоньше, атмосфера накаляется, приближается час, когда понадобится лишь слово для того, чтобы извергнуть ад, когда вся эта сконцентрированная сила вырвется вперед, когда перед нами вновь появится огневой вал – и мне опять придется следовать за пулеметами. В любом случае, именно здесь нам придется «разбить орех», и это будет настоящий «орех».

22.00. Новости на каждой волне. Я выключил радио, чтобы посмотреть на минутку на огонь, наблюдая вечно завораживающую игру пламени. Двое моих товарищей заснули под музыку. Очень тихо, только теплится огонь, а я взял уголек, чтобы зажечь одну из своих сигарет «Галльские», доставленных сегодня из Парижа. Ребята попросили у меня одну. «Наконец-то сигарета, в которой есть табак», – заметил один из них. А другой сказал: «Они напоминают о Франции».

Франция… Как давно это было и как прекрасно. Как же отличаются эти две страны, эти две войны! А между ними лежит промежуточная страна, к которой мы надеемся однажды вернуться. Достаточно ли с меня? Нет. Чему быть, того не миновать. Нам нужно приналечь со всей нашей энергией.

Может быть, потом у нас будет несколько недель отдыха. Нам нужен не такой вид отдыха, как сейчас. Все в порядке до тех пор, пока ты просто солдат, привыкший к минимальным потребностям, таким, как еда и сон. Но есть и другая часть нас, те, кто просыпается по ночам и делает нас беспомощными – всех нас, не только меня.

6.00. Я выпрыгиваю из землянки. Тут танки! Гиганты медленно ползут на врага. И самолеты. Одна эскадрилья за другой, сбрасывая бомбы по пути. Группа армий «Центр» начала наступление.

6.10. Первый залп реактивных минометов. Черт подери, на это стоит посмотреть; ракеты оставляют за собой черный хвост, грязное облако, которое медленно уходит. Второй залп! Черно-красный огонь, затем снаряд вырывается из конического снопа дыма. Его ясно видно, как только сгорает ракета: этот снаряд летит прямо, как стрела, в утреннем воздухе. Ни один из нас его прежде не видел. Разведывательные самолеты возвращаются, пролетая низко над позициями. Истребители кружат над головой.

6.45. Пулеметный огонь впереди. Это настал черед пехоты.

8.20. Танки проползают мимо, совсем близко от артиллерийских позиций. Прошла уже, наверное, сотня, а они все идут и идут.

Там, где пятнадцать минут назад было поле, теперь – дорога. В пятистах метрах справа от нас штурмовые орудия и моторизованная пехота двигаются безостановочно. Дивизии, которые располагались у нас в тылу, теперь идут через нас. Вторая батарея легких орудий изменяет позицию и пересекает путь танков. Танки останавливаются, затем продолжают движение. На первый взгляд – хаос, но они действуют с точностью до минуты, как часовой механизм. Сегодня они собираются взломать днепровский рубеж, завтра это будет Москва. Бронированные разведывательные автомобили примыкают к колоннам. Русские теперь лишь изредка открывают огонь. Такая же картина слева от нас: стрелки на мотоциклах и танки. Идет штурм. Он гораздо мощнее, чем тот, что был при штурме пограничных оборонительных рубежей. Пройдет некоторое время, прежде чем мы увидим подобную картину вновь.

9.05. Основные силы прошли; движение еще продолжается только справа от нас. Несколько снарядов попадают в высотку впереди. К нам энергично направляется какой-то большой парень, затрачивая много времени на то, чтобы спуститься, как все они. Я кричу одному из наших водителей, но он только глупо открыл рот в изумлении. Через мгновение позади него раздается взрыв. Он не знает, что произошло, и делает такое лицо, что мы не можем удержаться от смеха.

9.45. Теперь я думаю, мы видели, как прошли последние. Становится спокойнее. Прошло 1200 танков, не считая штурмовых орудий, по фронту в два километра. Любой фильм про войну меркнет по сравнению с этим. «Вот это действительно зрелище!» – говорили ребята.

Вскоре с выдвинутого вперед наблюдательного пункта десятой батареи сообщили, что прорвана вторая линия оборонительных сооружений. Вот уже двадцать минут как нас здесь больше не обстреливают. По нам стреляли в последний раз… Мы стоим, греясь в ярких лучах утреннего солнца. Радиосвязь работает отлично. Самая подходящая погода для наступления.

10.00. Наша первая задача выполнена. Я лежу, укрывшись от ветра, на пустых ящиках из-под боеприпасов в ожидании выбора нового наблюдательного пункта, с тем чтобы мы могли сменить позицию. Все собрались в одной компании, чтобы поболтать и покурить. Сержант медицинской службы Лерх возвращается с переднего края; связист нашего передового наблюдательного пункта получил огнестрельное ранение в бедро. Лерх рассказывает нам, что там полно мин, наши саперы вытаскивают их сотнями. Глубокие траншеи и колючая проволока. Пленных немного.

12.30. Первая смена позиции. Итак, вот она линия обороны, которую мы обстреливали интенсивным огнем. Ужасно искореженная система траншей, полоса изрытой земли, воронка на воронке. Развешаны белые ленты с надписями, предупреждающими о минах, – и эти предупреждения нешуточные, что видно по горкам приготовленных для установки

мин. Колонны двигаются вперед сквозь грибообразные взрывы снарядов, которые время от времени вырываются вдруг из русских дальнобойных орудий. Или, может, эти грибообразные взрывы – от мин, которые подрывают наши: трудно отличить друг от друга эти два вида взрывов. Над войсками на марше боевым строем летят бомбардировщики; затем юркие серебристые истребители – вперед на Восток!

16.00. Опять старая история: смена позиции превратилась в марш. Я пишу об этом на отдыхе на обочине дороги, жуя кусок хлеба. На горизонте тот же знакомый дым. И снова, как и прежде, мы не знаем, где или когда прекратится марш. Но как бы то ни было, это не имеет значения. Пешим порядком или верхом на лошади мы двигаемся с частыми остановками – вперед на восток!

Мы шагали так, пока не стемнело и над холмами не поднялась желтая луна. Провели довольно холодную ночь в сарае. С первыми лучами солнца снова тронулись в путь. Блестели стянутые льдом лужи; пар поднимался от людей и лошадей, белый и сверкающий в лучах восходящего солнца. Удивительные оттенки! Как латунные шары, трассирующие снаряды высвечивали одиночный бомбардировщик, и бирюзовое небо окрасилось на горизонте красным огнем.

Тем временем нам сообщили, что мы вступаем в бой. Нам нужно было перейти на новую позицию за холмом. Пикирующие над позициями бомбардировщики резко падали и уходили вверх. Приводили раненых пленных, танки ползли вперед, и батальон вступал в бой. Артиллерийское подразделение связи отвечало за огневую поддержку. В ушах у меня звенит от грохота артиллерии, а микрофон гарнитуры прищемил щетину бороды. Я пишу это сидя в ложбинке. Удар! В укрытие! Наша антенна привлекла огонь некоторых танков. Как раз когда я только собирался спустить аппаратуру пониже, с пункта управления огнем поступил сигнал: «Цель номер один взята. Батальон задерживают танки противника, а пехота удерживает опушку леса. Минометы к бою!»

Мы открыли огонь. Цели были как на ладони – пехота, противотанковые пушки и орудийный тягач. Некоторые наши танки тоже застряли. Появились эскадрильи пикирующих бомбардировщиков и ринулись в атаку. Штурм возобновился. Зенитчики и танкисты встретились на нашем пункте. Зенитная артиллерия собиралась выдвинуться и подключиться к ведению огня по танкам противника.

Мы вернулись голодные и замерзшие, и нас разместили в сарае для замачивания льна среди чудесных серебристо-серых кип. Я разложил на полу несколько снопов льна и упал на них, не убирая оружия. Спал как бог.

…Проходили дни, и ничего не происходило. Я снова привел себя и свое белье в порядок. Немного писал и читал. Какое удовольствие иметь под рукой хорошую книгу. Я прочитал «Бездельника» Эйхендорфа, рассказ Штифтера и несколько отрывков из Шиллера и Гете.

Это еще один из мостов, наведенных войной между отцовским поколением и моим, – один из совсем небольших. Величайшими являются испытания, переживаемые во время самой войны. Насколько лучше мы понимаем теперь друг друга, отец. Исчезла пропасть, разделявшая нас иногда в годы моего взросления. Это – встреча единомышленников, и она делает меня очень счастливым. Ты говорил об этом в одном из своих писем, и я могу только согласиться с тем, что ты говоришь. Ничто не связывает нас более тесно, чем то, что нам выпало вынести лишения, тяготы и опасности и фактически мы побывали буквально в тех же самых местах – в Августове, Лиде и на Березине. Я прошел по местам твоих сражений. Теперь я понимаю то, о чем ты мне рассказывал, потому что пережил то же самое и знаю, на что должны быть похожи четыре года в России. Жизненный опыт – лучший учитель.

Было время, когда я и люди моего поколения говорили «да», думая, что понимаем. Мы слышали и читали о войне и приходили в возбуждение, так же как более молодое поколение сегодня приходит в возбуждение, когда следит за новостями. Но теперь мы знаем, что война

совершенно не похожа ни на одно из описаний, каким бы хорошим оно ни было, и что самые существенные вещи не расскажешь тому, кто не знает этого сам. Между нами, отец, нам нужно только затронуть одну струну, чтобы получить все созвучие, нанести только один мазок одной краской, чтобы получить всю картину. Наше общение состоит лишь из реплик; общение между товарищами. Итак, вот кем мы стали – товарищами.

Глава 3
ПУТЬ НА КАЛИНИН

Хорошо идти по замерзшим дорогам этой страны с холмами, увенчанными деревнями. Но пятьдесят пять километров – это очень много. Мы потратили на них время от восьми утра до двух часов пополудни следующих суток. А потом не нашли свободных помещений для постоя. Несколько домов в месте нашего отдыха были распределены уже давно. Но ребята втиснулись в переполненные комнаты, решив находиться в тепле, даже если придется стоять. Сам я забрался в конюшню и ухитрился проспать до семи. В восемь мы снова были в пути.

Шагать этим по-зимнему холодным утром было одно удовольствие. Чистая, просторная страна с большими домами. Люди смотрят на нас с благоговением. Есть молоко, яйца и много сена. Вереницы гусей расхаживают по жухлой траве. Мы – их погибель, потому что наш рацион не улучшается и пекарня давно потеряла с нами связь. Этим утром мы шли за повозками, очищая от кожуры картошку и ощипывая кур и гусей. Полевая кухня готовит сегодня на ужин кур с рисом, а теперь, для полного счастья, мы поймали гусей и нарыли картошки, чтобы приготовить на своей печке. Помещения для постоя поразительно чисты, вполне сравнимы с немецкими крестьянскими домами. За обедом я взял тарелку и ложку и ел без малейших колебаний. В дальнейшем взгляда было достаточно – и семья мыла нашу посуду. Повсюду – изображения ликов святых. Люди дружелюбны и открыты. Для нас это удивительно.

13-го мы собирались пройти только девять километров. Утренняя прогулка по небольшим лесистым долинам, местам, скорее похожим на Шпессарт[2] зимой. Но удовольствие возвращения в свои временные жилища было недолгим. Мы едва успели расседлать лошадей, как пришел приказ двигаться дальше. Это был длинный мучительный марш по замерзшим и скользким дорогам. Он продолжался почти целую ночь. Потом мы потеряли дорогу; стояли усталые и замерзшие на ветру, пока не разожгли костры и не сгрудились вокруг них. К пяти часам лейтенант пошел поискать в соседней деревне помещения для постоя, с тем чтобы мы могли несколько часов отдохнуть.

Зима не остановилась на своем вступлении. У некоторых лошадей все еще были летние подковы, так что они все время скользили и падали. Даже Тэа, последняя лошадь из первоначальной упряжки нашей повозки с радиостанцией, заупрямилась. После многих неурядиц и капризов мне кое-как удалось завести ее в стойло здешней конюшни. 10-я батарея увязла в болоте и в конце концов повернула назад. Дела, похоже, идут не так уж блестяще. Мне не очень то нравится и то, как выглядит 11-я батарея.

Для нас это означает день отдыха. Мы собрались в небольшой пекарне. Девятеро из нас еле передвигают ноги. Мои ботинки утром были все еще настолько мокрыми, что я смог влезть в них только босыми ногами. В доме, где мы остановились, полно вшей. Наш маленький венец был настолько опрометчив, что спал прошлой ночью на печке; теперь тоже подхватил их – и сколько! Носки, которые были положены туда для просушки, были белыми от яиц вшей. Мы подхватили и блох – абсолютно выдающиеся экземпляры.

Русский старик в засаленной одежде, которому мы показали этих представителей фауны, широко улыбнулся беззубым ртом и почесал в голове с выражением сочувствия: «У меня тоже – «никс гут», не есть хорошо!» Теперь какое-то время я все еще бодрствую, когда другие уже спят, даже если не нахожусь на посту. Я не могу так много спать, и иногда мне надо побыть наедине с самим собой.

---

[2] Шпессарт – живописные предгорья на юго-западе Германии.

Призрачный бледный свет от электрической лампочки падает на темные разводы на полу, на оборудование, одежду и оружие, заполнившие комнату. Когда смотришь на них таким образом, они являют собой жалкое зрелище, серое в сером, гнетущее, как тяжелый сон. Что за страна, что за война, где нет радости в успехе, нет гордости, нет удовлетворения; только сплошь и рядом чувство сдержанной ярости…

Идет дождь со снегом. Мы следуем маршем то по дороге на Москву, то в направлении Калинина. Нет нужды упоминать обо всех домах, где мы останавливались на постой, усталые и промокшие. Хотя общее впечатление изменилось. Стали попадаться более густонаселенные места. Обстановка в деревнях более походит на городскую, с кирпичными двухэтажными домами и маленькими заводиками. Большинство из них имеют невзрачный деревенский вид. И только дома постройки до Первой мировой войны радуют глаз своим замысловатым деревянным орнаментом на окнах, деревянной вязью конька крыши. Со всеми этими броскими цветами: ярко-зеленым и розовым, сине-голубым и алым. Довольно часты на окнах занавески и цветы в горшках. Я видел дома, обставленные мебелью с большим вкусом, блестящие чистотой, с выскобленными полами, с коврами ручной работы, с белыми голландскими печками с медной утварью, чистыми постелями и с людьми, одетыми скромно, но опрятно. Не все дома были такими, как этот, но многие.

Люди в целом отзывчивы и дружелюбны. Они нам улыбаются. Мать велела своему маленькому ребенку помахать нам ручкой из окна. Люди выглядывают изо всех окон, как только мы проходим мимо. Окна часто из зеленоватого стекла, что является данью готическим цветам – полумрак Гойи. В сумерках этих скучных зимних дней зеленый или красный оттенки могут иметь поразительный эффект.

24 октября 1941 года. С прошлой ночи мы находимся в Калинине. Это был тяжелый переход, но мы его совершили. Мы здесь первая пехотная дивизия и прибыли, опережая две легкие группы бригады. Мы шли вверх по дороге, тянущейся к этому плацдарму, как длинная рука, без значительного прикрытия с каждого из флангов. Плацдарм должен быть удержан из стратегических и пропагандистских соображений. Дорога несет на себе отпечаток войны: разбитое и брошенное оборудование, разрушенные и сожженные дома, громадные воронки от бомб, останки несчастных людей и животных.

Город – размером с Франкфурт, не считая окраин. Это беспорядочное нагромождение, без плана или отличительных черт. В нем есть трамваи, светофоры, современные кварталы, здания больниц и госучреждений – все вперемешку с жалкими деревянными лачугами и избами. Новые дома были расположены на песчаной пустоши, без всякой ограды, если не считать деревянной изгороди. Вслед за ними поднимались заводские корпуса во всей своей неприглядности, со складами и с железнодорожными подъездными путями. Однако мы целый час катили по асфальтовым дорогам, читая по пути причудливые названия вроде «Кулинария» над ресторанами. Мы наблюдали, как оставшееся население в спешке занималось мародерством.

Русские пока еще укрепились на окраинах; дня два назад их танки все еще заправлялись в городе. У них есть подлая шутка, состоящая в том, чтобы гонять по улицам и просто сбивать наши машины. Из-за этого у нас были досадные потери. Когда мы вступали в город, то столкнулись с тем, что они установили свои орудия на главной дороге и заставили нас здорово побегать. Это был совершенный цирк. Все-таки сегодня после полудня восемь из шестнадцати самолетов, бомбивших переполненный аэродром, были сбиты. Они летели низко и рухнули, вспыхнув как спички. Раз уж мы выпустили танки, теперь они скоро очистят нам пространство для движения.

Странная жизнь на этом острове в чужой стране. Мы пришли и готовы ко всему, независимо от того, насколько это будет необычным, и ничто нас больше не удивит. За последнюю четверть часа царило оживление в секторе справа от нас. Позиции третьей бата-

реи вышли из строя. Линейный патруль прекращает действовать. Снаружи царит жестокий холод.

Это серьезная война, серьезная и отрезвляющая. Наверное, она отличается от того, какой вы ее представляете; она не настолько ужасна – потому что для нас в вещах, которые считаются ужасными, осталось уже не так много ужасного. Иногда мы говорим: «Будем надеяться, что это скоро кончится». Но мы не можем быть уверенными в том, что это кончится завтра или послезавтра. И пожимаем плечами и делаем свое дело.

Я стоял один в доме, зажег спичку, и с потолка стали падать клопы. По стенам и полу ползали полчища паразитов. У очага было совсем черно от них: жуткий живой ковер. Когда я тихо стоял, то слышал их беспрерывные шорох и шуршание. Ничего, это уже не приводит меня в замешательство. Я просто удивляюсь и качаю головой.

2 ноября 1941 года. 16.00. Русские атаковали всю ночь. Сегодня спокойней. Деревья окутал мокрый туман, а вороны отряхивают свои перья. Сообщают, что русские планируют большое наступление. Затишье перед бурей. Вчера весь день я был внизу в штаб-квартире и чинил свои ботинки. К вечеру вернулся на свою позицию с Францем Вольфом. Мы шагали, руки в карманах, воротнички расстегнуты и с трубками в зубах. Пока мы вот так, не спеша тащились, наши поясные ремни и все металлическое покрылось льдом, а наши воротнички и пилотки стали твердыми от мороза.

Должно быть, было около половины четвертого, когда русские подвергли наши позиции ковровой бомбардировке из своих проклятых орудий. Этот «ковер» накрыл холм перед нами серией яростно вспыхивающих снопов огня, бегущих справа налево с интервалами между ударами в одну секунду. Серия страшных взрывов. Небо сделалось красным, и Франц сказал: «Проклятие, это опять была наша деревня».

Поскольку у меня не оставалось никаких дел, я воспользовался случаем, чтобы посетить отделение радиосвязи на наблюдательном пункте номер 3. Это означало идти в огонь. Когда мы пришли на вершину холма, стали гадать: охвачен ли огнем маленький дом или нет? Мы огляделись на вершине, и Франц сказал: «Здесь они всегда могут подстрелить тебя слева и справа».

Едва он успел договорить, как мы оба уже распластались на земле. Мы смеялись, убрав головы, потому что незадолго до этого Франц объявил, что больше не будет этого делать, поскольку это выглядит глупо. «Это сильнее тебя; это инстинкт, – сказал он, затем добавил: – А вон там они стреляют прямо по деревенской улице».

Нам не пришлось долго ждать пулеметного огня, и после нескольких быстрых продвижений ползком мы повернули направо. Тем временем стало ясно, что пострадал не маленький домик, а соседний сарай. «Там была корова Цинка. Придется сказать ему об этом».

Мы прошли через травяное поле, местами выбитое многочисленными воронками взрывов, и повернули на деревенскую улицу. Справа целым остался только дом Вольфа. Это было маленькое аккуратное строение, канцелярия комиссара, с чистым потолком и беленными стропилами, столом и белой голландской печью. И конечно, никаких паразитов – здесь никто не жил.

Цинк лежал на ковре перед радиоаппаратурой – экзотическое зрелище при тусклом свете масляной лампы. Ему и в самом деле было что нам рассказать. Сарай загорелся после первого же залпа в половине первого дня. Цинк доил корову. «Взрывом меня отбросило в сено. Через некоторое время я поднялся. Посмотрел на корову, а корова посмотрела на меня. Затем начался пожар, я отвязал корову и отвел ее в безопасное место. После этого я не вылезал весь день. Одного раза достаточно!»

Вечерами мы говорили о серьезных вещах; о своем положении, делились впечатлениями о пережитом; об изменении характера, о своей работе до войны и о том, чем будем заниматься потом; о том, что будет с нами, с Россией и Германией. Затем были шутки, потому

что ребята из мотопехоты называли нас «голодная дивизия» – мы всегда в затруднительном положении, без эшелона снабжения, как «беспризорные дети»… Нам не достаются новые армейские ботинки или рубашки, когда старые изнашиваются: мы носим русские брюки и русские рубашки, а когда приходит в негодность наша обувь, мы носим русские башмаки и портянки или еще делаем из этих портянок наушники от мороза.

Но у нас наши винтовки и предельный минимум боеприпасов. «Нет, вы только посмотрите, кто здесь!» – говорят ребята из мотопехоты. Но у нас есть ответ. «У нашего генерала железные нервы», – говорим мы. Хочешь не хочешь, эта страна нас кормит.

С пяти часов утра опять идет снег. Ветер задувает мелкие сухие снежинки во все щели. Пехотинцы защищаются от холода чем только могут – меховыми перчатками, шерстяными шапочками, наушниками из русских портянок и ватными штанами. Мы изредка высовываем нос наружу и бежим обратно к печке. Бедные солдаты из стрелковых рот, сидящие в землянках и окопах. У них нет подходящей позиции для ведения боевых действий. Они у нас не подготовлены для этого, и у нас не отрыты подходящие землянки, хотя мы и застряли здесь на какое-то время. Мы не предполагали задерживаться, нам нужно двигаться вперед.

Снег падает обильно и тихо; теперь уже не метет так сильно. Он поглощает звуки и слепит. Отдельные выстрелы, раздающиеся из нереальной серой мглы, звучат глухо. Даже не знаешь, почему они стреляют. Брошенные лошади – жеребцы и старые мерины – плетутся рысью по снегу, свесив головы, появляясь из мглы и исчезая в одиночестве.

Когда мы шли через покрытую ночной пеленой равнину, ветер задувал снежные кристаллики за шею, и мы почти не разговаривали. Один раз Франц сказал: «Это забытая Богом страна». Затем на перекрестке дорог мы распрощались. Когда пожимали друг другу руки, задержались на мгновение… и сутулая фигура Франца быстро исчезла в темноте.

Бывают моменты, когда какая-то картина запечатлевается в вашем сознании. Это был такой момент. Бросив последний взгляд на друга, с которым расстался, я почувствовал себя оторванным от события, в котором принимал участие. Мы никогда не знаем, куда идем, даже если чаще всего смеемся над такими мыслями.

У меня снова есть шинель. Мы потеряли Антемана. Одним хорошим товарищем стало меньше. Шинель старая, пережившая две кампании. С засаленным воротником и потерявшими форму карманами. Как раз для России, для того, кто хочет засунуть руки глубоко в карманы, при этом дымя трубкой во рту. Очень подходящая поза для того, кто хочет создать вокруг себя своего рода вакуум, потому что каждый из нас стал почти безразличным ко всему. Я лично чувствую себя прекрасно в таком состоянии. Я нахожу удовольствие в закаливании себя перед всеми этими невзгодами, мобилизующими мои силы и трезвость ума против этой собачьей жизни, так что в конце я, может быть, выиграю от этого.

Нас теперь двадцать восемь мужчин в этой комнате плюс четыре женщины и ребенок. Хозяева спят иногда в кухне по соседству, иногда здесь, на печи. Мое собственное спальное место у двери, в проходе. Поскольку у нас есть батарейный радиоприемник, к нам в гости приходят даже вечером. Это создает целую проблему с проходом; с трудом удается повернуться. Когда большинство ложится спать, я сажусь писать, а иногда мы играем партию в шахматы, в то время как другие снимают рубашки в ночной охоте на вшей. Именно тогда пехотинцы заводят беседу, настоящие солдаты пехоты, такие, как пулеметчики или парни из стрелковой роты.

Трудно описывать такого рода вечернюю беседу. Так много в самой атмосфере этой беседы, в том, как люди сидят, положив локти на колени или откинувшись назад с согнутыми руками. Конечно, иногда мы переживаем депрессию, но говорить об этом не стоит, потому что самое лучшее в нас проявляется в юморе. Например, мы достаем карту и говорим: «Теперь, как только мы попадем в Казань…» или «Кто-нибудь знает, где Азия?»

Сегодня кто-то сказал: «Мы будем дома на Рождество…» – «Он не сказал, какого года», – бросил другой ухмыляясь. «Вообрази, попадаешь домой и первое, что узнаешь, – тебя забирают в ополчение… Встаешь в пять утра в воскресенье, и кто-нибудь там стоит и кричит: «Пулеметный огонь слева!» или «В двухстах метрах за деревней русская пехота! Ваши действия?»

«Ты отвечаешь им, что идешь в деревню поймать пару кур для жарки, – говорит Франц. – Что еще?»

А Цинк добавляет: «Если кто-нибудь захочет поговорить со мной, я спрошу его, был ли он в России».

Несмотря на то что Калинин был взят, наступление на главном направлении на Москву было остановлено, «завязло» в грязи и лесах примерно всего в ста километрах от столицы. Вслед за новой попыткой достичь Москвы 2 декабря, в результате которой немецкие войска фактически дошли до предместий[3], русские предприняли первое большое контрнаступление. В течение нескольких дней 9-я и 4-я танковые армии были отброшены далеко назад, и Калинин пришлось оставить.

1 января 1942 года. С Новым годом всех вас! Мы вышли из горящей деревни в ночь, и везде, где мы проходили, в небо вздымались языки пламени, за которыми следовали черные клубы дыма.

Сейчас все ребята спят. Я вышел наружу, чтобы просто поздравить своих часовых с Новым годом. «Может быть, еще в этом году мы будем дома», – сказал я.

Утром первого числа было все еще более сорока градусов ниже нуля. Мы обмотали наши ботинки тряпками и то и дело посматривали на носы друг друга. Когда кончик носа белеет, пора с ним что-то делать. Франц и я скакали с передовой группой. Франц никак не мог попасть в стремя из-за тряпок, намотанных вокруг его ботинок. Он достал перчатки, чтобы развязать проволоку, которой были перевязаны тряпки. Два его пальца были обморожены. Некоторые из нас обморозили ступни, кое-кто до обморожения третьей степени. Русские отчаянно напирают. Они пытаются любой ценой захватить деревню целой и невредимой, но мы не оставляем им ни одной.

9 января мы поехали верхом поискать помещение для бойцов нашего эшелона снабжения. Было уже темно. Узкая дорожная колея была различима лишь благодаря втоптанному в снег валежнику. Мы проскакали рысью около четырех километров. Лошади то и дело по брюхо проваливались в снег, выпрыгивая и с трудом пробираясь вперед. Это было похоже на скачки на верблюдах; мы качались и балансировали, пытаясь отрывать свое тело то от холки, то от крупа лошади, помогая ей в силу своих возможностей двигаться вперед. Это была странная кавалькада: трое чучел среди кустов и холмов. Позади небо вновь стало красным. Время от времени раздавалась орудийная и винтовочная пальба; а так было очень тихо.

Дул ледяной ветер. С прошлой ночи он заметает за городом снег в полосы и рвет в клочья. Снегом замело мост, снежные дюны покрыли все тропы, а на дорогах надуло глубокие сугробы. Сейчас мы поджидаем наших. Они должны подойти, преодолев тридцать километров пути. Смогут ли они это сделать?

20.00. Теперь они уже не смогут этого сделать. Уже несколько часов как наступила темнота. В половине пятого мы уже поужинали. Посмотрели на часы и покачали головой: еще так рано, а ночь уже наступила некоторое время назад. В воздухе сплошной снег, кристаллики льда как тонкие иголки, которые ветер задувает во все щели. Свет на другой стороне деревенской улицы горит слабо, и, если вы рискнете выйти наружу, ветер будет трепать вашу одежду. Лучше сидеть у огня.

---

[3] До Дмитрова и Химок.

Спасибо Господу за картошку. Мы не были готовы к долгому пребыванию в этих местах, и что бы стало с нами без нее? Как бы могла вся армия пережить русскую зиму без этого скромного овоща? Вечером, как всегда, мы очистили картошку от кожуры, с благоговением размяли ее и посолили крупной русской солью.

Сейчас утро. Мы кончили завтракать, и опять это была картошка, благодаря которой мы почувствовали удовлетворение от еды. В этом доме нам предложили картошку, чай и каравай хлеба, замешенный из ржаной и ячменной муки с добавлением лука. Пожалуй, в нем было несколько коричневых тараканов; по крайней мере, я срезал одного из них, не сказав ни слова. Святой в углу кротко смотрит из своей золотой рамки, как будто хочет сказать, что бесстрастный дух не обращает внимания на такие пустяки. Что хорошего в том, чтобы замечать их? Это может только помешать мне насладиться великолепием творения, которое появилось вновь этим утром во всей своей красе.

Первый луч солнца был уходящей в небо линией зеленого и красного огня. Затем на северо-востоке появился странный свет: центр его выглядел как расплавленный металл и был обрамлен двумя дугами такого ослепительного сияния, что глазам было больно смотреть. Все вокруг окунулось в волшебную золотисто-белую дымку, деревья и кустарники были охвачены лучезарным сиянием, а вдали верхушки крыш и вершины холмов на фоне нежно-серого горизонта сияли белым светом. На заре звуки разливались странно завораживающе и неуловимо, как будто все это было волшебной игрой сказки.

Мы скакали обратно при ярком свете солнца; в последний раз я ехал верхом с Францем Вольфом и своими старыми товарищами. Меня перевели на батарею. Связист – мертв: да здравствует артиллерист!

Иваны пробудились. Мы толкнули их чрезвычайно сильно, теперь они отразили удар и перешли в наступление.

Прошлой ночью мы вспугнули в секторе батальона три разведывательные группы. Последняя состояла из двадцати человек. Лишь один из них упал за проволокой на нашей стороне. Что касается остальных, утром на полосе осталось много небольших холмиков, наметенных над телами убитых вдоль нейтральной полосы. Один из них все еще тлел. Наверное, у него была бутылка с зажигательной смесью и одна из наших трассирующих пуль попала в нее.

В течение ночи русские приходили с огнеметом. Иван теперь использует довольно много сильных взрывчатых материалов. На холоде грохот взрывов чрезвычайно громок. Осколки издают пронзительный, резкий свист, но эффект не очень велик. Мы слишком хорошо защищены. Снаряды наших тяжелых минометов наносят ивану гораздо больший урон. Они отскакивают от земли и взрываются в воздухе. Тем самым достигается гораздо большая убойная сила от эффекта рикошета артиллерийского снаряда, против которого не защитит ни один окоп. Когда сбрасывают свой груз наши «Штуки»[4], земля дрожит на километр вокруг.

В одной из рот устанавливают траншейный миномет, при помощи которого предполагают забрасывать окопы ивана дисковыми минами с расстояния в тридцать – сорок метров. Конструкция миномета напоминает катапульту римлян. Она очень примитивна. Такое оружие – порождение окопной войны. Когда фронт вновь начинает продвигаться, об этих штуках быстро забывают. Но эта игра в «римские игрушки» говорит о боевом духе подразделения.

Позавчера я впервые стрелял из орудия. Десять выстрелов. Это было удивительное ощущение. Забываешь обо всем – об опасности, о холоде. Это – дуэль. Фактически мы не были в опасности; все шло как на полигоне. Наш первый снаряд ударил возле землянки с

[4] Речь идет о бомбардировщиках «Юнкере-87».

солдатами, за которой мы наблюдали целый день. Мы выстрелили по двум другим землянкам. У третьей вверх взметнулся фонтан земли, как при взрыве мины. Это был наш прощальный выстрел. После этого мы отошли к С, где расквартировались некоторое время назад. Отсюда мы должны отойти на заранее подготовленные позиции.

Вчера я ходил проведать старую братию. Франц наконец удостоился Железного креста первого класса. В послужном списке говорится: «За преследование танка врага от пункта С. до следующей деревни и попытку подбить его из противотанкового ружья». Мы смеялись до того, что слезы катились по щекам. За это, среди всех прочих заслуг! В то время как он уже получил строгий выговор!

Все равно я был рад. Я пришел туда, как раз когда отделение выходило на построение. «Мы скучаем по тебе», – говорил потом Франц.

Мы немного стесняемся сентиментальности, но в этом что-то есть. «Старая братия»… это целый мир. Не так ли, отец?

Глава 4
БОЙ ВОКРУГ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО ПУНКТА «КРАСНЫЙ»

Поражение под Москвой сопровождалось такой же неудачей на юге, где, достигнув Ростова, «ворот Кавказа», в конце ноября, танковая армия фон Клейста была вынуждена отступить к реке Миус. В центральном секторе контрнаступление русских продолжалось три месяца и вылилось в одно из самых жестоких сражений войны. В то время как русским оказывали поддержку большое количество сибирских отрядов лыжников, у немцев не было никакого зимнего обмундирования. Однако им удалось установить и удерживать линию обороны на рубежах под Ржевом, Вязьмой и Брянском. Это делалось согласно распоряжениям Гитлера, который взял на себя командование армией в декабре. Бой вокруг наблюдательного поста «Красный» и другие боевые действия в последующих главах, вероятно, велись под Ржевом, на самом северном из трех бастионов, в ста пятидесяти милях к западу от Москвы.

Сегодня ничего особенного не происходило, за исключением того, что горели деревни перед нами, и солнце, окутанное облаками дыма, выглядело как красный шар. Беженцы – старики, женщины и дети – с трудом пробирались по снегу. Они тащили за собой санки и вели с собой коров и собак. Длинные овечьи тулупы женщин сидели на них как деревянные, выделялись узлы и цветные одеяла, а старики с их заиндевелыми бородами были похожи на Дедов Морозов. К вечеру огонь стал кроваво-красным, теперь дома светятся из темноты, как глаза дьявола.

Сегодня ночью пехота отойдет на заранее подготовленные позиции. Пулеметные гнезда и долговременные огневые сооружения образуют непробиваемую линию обороны, с проволочными заграждениями, стоящими в снегу, как игрушки. «Танец» может начинаться. Белый танец смерти.

Видимость ухудшается. Пронзительный ветер поднимает в воздух тучи снега. Наступающих русских мы видим как сквозь вуаль. Мы внимательно следим за ними; мы знаем, что на нас наступает.

25 января 1942 года. 4.00. Ночи холодные. Лежащий снег кажется голубым под серебряной луной, а там, где тень, он цвета индиго. На сто метров впереди пулеметные позиции на крутом склоне оврага при свете луны похожи на горный хребет.

Время от времени проходит часовой – скрипит снег; временами открывают огонь – выстрелы эхом отдаются и долго еще слышны потом в долине небольшой речки. Каждые три часа я поднимаюсь на наблюдательный пункт и в течение часа всматриваюсь в даль, а когда мы открываем огонь, я стою дольше. Сплю урывками; из сорока восьми часов я спал только восемь. Не все ночи такие спокойные, как эта.

Сектор слева от нас – слабое место. Позавчера противник подбил там пулемет и в рукопашном бою отбил окоп. Вчера в том же секторе они прорвали нашу линию обороны. Это произошло к вечеру. Вскоре несколько домов в деревне были в огне. Неприятель ринулся вперед под прикрытием дыма. Я стоял снаружи, слушая их боевой клич. Они ревели, как нападающие быки. В то же время русские пытались прорваться через овраг и атаковать деревню с нашего правого фланга. Они были отброшены.

Я долго слышал, как кричал раненый.

Почти всю ночь они вели огонь из легкой артиллерии. Некоторые орудия стреляли трассирующими осколочными снарядами; они летели медленно и разрывались высоко над

головой, низвергая вниз свистящие осколки. Но мы неожиданно сами открыли огонь, и наши снаряды издавали более впечатляющие звуки. Они начинаются на высокой ноте, а заканчиваются глубоким глухим гулом, как у органа. Когда они летят по воздуху один за другим, то создают мощный звуковой аккорд. Наверху впереди, помогая корректировать огонь, вы видите сильное зарево, мощные взрывы. Громадные клубы дыма и снег закрывают все пространство цели. Это подобно гигантскому кулаку, опустившемуся вниз.

Не могу отрицать, что испытываю гордость в такие моменты. Можно гордиться выполняемой обязанностью наводчика этих тяжелых орудий; даже при том, что мое собственное участие в этом весьма невелико, это «наши» снаряды и «наша» батарея, которая ведет огонь. Как только деревянные обломки и земля взлетают от взрыва высоко вверх на вражеских позициях и атака противника захлебывается он нашего огня, пехота празднует; солдаты чертовски счастливы и благодарны нам. Мы, со своей стороны, горды, что все идет так хорошо. Голод, холод, усталость – мы забываем обо всем этом, когда ведем огонь.

Мы знали, что надвигалось. Мы видели со всей ясностью, как развивались события. Я сделал последний бросок навстречу ветру и под артиллерийским огнем пробился на наш фланговый наблюдательный пост в километре от линии фронта. Противник уже начал вести огонь из танков и противотанковых орудий.

Прелюдия. Как хорошо мы ее знали.

Я нашел ребят на передовой пулеметной позиции и поздоровался с каждым за руку. Пфайл поделился со мной кусочком тоста, а я отдал ему одну из своих последних сигарет. Затем я отправился обратно через лес, чтобы проложить лыжню, вдоль которой должен быть протянут новый провод к наблюдательному пункту. Я двигался по магнитному азимуту, все время в спешке, и даже на лыжах ноги глубоко проваливались в снег. Но было уже слишком поздно. Несколько часов спустя провод связи вдоль линии огня был порван снарядами в двадцати местах, фронт между наблюдательным пунктом и нами был прорван, и в том же самом лесу взмывали вверх сигнальные ракеты противника.

Утром не было никакого признака наших наблюдателей. Позднее двое из них вернулись. Один остался лежать на месте – прямое попадание. Мы не спали в ту ночь, наша землянка стала центром, куда поступали донесения шести соединений. Прибегали и убегали люди. Большинство из них не сообщали хороших вестей: «Лейтенант фон Г. убит в рукопашном бою; мы не видели русских, пока они не оказались в пяти метрах от нас…», «Блиндажи захватывают один за другим…».

Все время приходилось просить новые сани для раненых. Они прибывают из-за леса, вдоль протянутого нами провода, который все время обрывают. Позиции нашего передового дозора всю ночь были отрезаны.

28-го русские совершили свой первый прорыв с нашего правого фланга. Они выбили с позиций соседнюю с нами роту и заняли пункт П., расположенный на господствующей высоте и вклинивающийся в наш фланг. Мы открыли стрельбу из противотанковых орудий и подожгли несколько домов; были спешно согнаны и пекари, и мясники, и санитары, чтобы ликвидировать прорыв. Но наш санный путь через П. отрезан. Оставалась лишь тропа через лес.

Все контратаки провалились. Ночь за ночью мы вели массированный огонь, чтобы выбить оттуда противника. Ночь за ночью пехота ходила в атаку после пребывания на открытом воздухе после 27-го числа. Ей было прекрасно известно обо всей тщетности этих усилий. В третий раз стояла задача взять П. Любой ценой! «Окопы на линии фронта будут заняты вновь. Всякий оставивший свой пост будет предан военному трибуналу и расстрелян».

Настроение в нашей землянке самое безрадостное.

Командир пехотной роты лейтенант фон Гинденбург происходит из старинного рода. От усталости у него образовались круги под глазами. В моменты, когда он думает, что за

ним никто не наблюдает, его охватывает огромная усталость и на него находит полное оцепенение. Но как только он берет в руки телефонную трубку, его спокойный низкий голос звучит ясно и твердо. Он говорит с командирами взводов с такой убедительной теплотой и уверенностью, что они уходят успокоенными. Его собственное мужество самодостаточно, оно так же неотделимо от него, как его армейский мундир.

Скоро будет ноль часов. Я медленно готовлюсь к этому. Тем временем лейтенант фон Гинденбург пошел спать. Его работа закончена. Он крепко спит до тех пор, пока не прибудут первые посыльные.

Вскоре после этого я был уже на наблюдательном пункте, ожидая массированного артиллерийского огня, который должен предшествовать атаке. Ночь была темно-голубой, в виде небосвода без звезд над освещенной панорамой. Огонь в П. отражался на снегу нежно-красным светом.

Мы наблюдали за артобстрелом. Он обрушился одним ударом, рикошетящие осколки, как фантастические фигуры, прыгали над крышами.

В ту ночь саперный взвод – офицер и сорок два солдата – атаковал противника. Одиннадцать человек были убиты, девять тяжело и семь легко ранены. Офицер вернулся с пепельно-серым лицом и пятнадцатью солдатами.

На следующее утро пройти к нашему наблюдательному пункту было почти невозможно. Русские обстреливали нас из занятых ими окопов, так же как и из пункта П. Одна из противотанковых пушек настолько точно пристрелялась к нам, что после разрыва мое лицо всякий раз обдавало душем из снега и земли, когда я всматривался через смотровую щель, чтобы определить направление, на вспыхивающее пламенем дуло. Нам пришлось эвакуировать наблюдательный пункт и отойти назад в окоп. Как только мы забрались в землянку, разворотило наше оконце, и нам пришлось заколачивать дыру.

Случилось неизбежное. Наши позиции были обстреляны из леса, в семидесяти метрах с тыла от нашей землянки. Русские дозоры зашли нам в тыл и оборвали провод связи. Наши их видели. Позднее наши собственные дозорные обнаружили, что русские протоптали в лесу широкую тропу за главной линией передовых позиций, от которых связь с тылом осуществлялась по четырем телефонным линиям.

31-го в полдень в землянку прибыл командир батареи. Он вместе с лейтенантом Маком предпринял еще одну попытку занять наблюдательный пункт. Это не удалось сделать. Сразу же открывало огонь противотанковое орудие. Они были на волосок от смерти и потом пять минут не могли прийти в себя. То была тяжелая ночь. Говорили, что в пункте П. триста человек готовы атаковать наши позиции.

Если бы это удалось, они бы нас накрыли. Но мы сосредоточили огонь всего полка на этом участке, и обстрел был мощным. После этого послышались крики раненых…

Сегодня нас выручали. На подходе отряды подкрепления обстреляли, и они вынуждены были отступить. Сани с аппаратурой и другим имуществом попали в руки врага. Сделали еще одну попытку и на этот раз прорвались. В 12.30 мы отбыли, десять человек с двумя санями и несколькими ранеными. Впереди нас ехал русский дезертир (один из тех, кто последние два дня голодный блуждал по лесу).

За пятьсот метров от наблюдательного пункта мы наскочили на неприятельский дозор из пятнадцати человек. Мы сразу зашли им во фланг. Я видел, как первый из них бросился под ель слева от тропы. Но я переиграл его. Когда я подошел ближе, то увидел, что в пяти метрах в небольшой ложбинке трое из них пытались скрыться. Мой магазин быстро опустел. Я набросился на них, и двоих, в том числе командира дозора, мне удалось захватить. Третий убежал. Я передал двоих пленных товарищу, перезарядил оружие и последовал за беглецом. Думаю, что, скорее всего, мне удалось его подстрелить. Тем временем командир

дозора попытался с пистолетом напасть на моих спутников. Мой товарищ застрелил бы его, но винтовка дала осечку. У русского курок пистолета не был взведен, и мой товарищ выбил его из рук солдата прикладом. Затем они пошли друг на друга. Я подоспел вовремя, чтобы вмешаться.

Остальная часть нашего отряда уже ушла дальше. Они обстреляли основную группу русского дозора справа от тропы. Я тогда думал, что мы всегда будем действовать со всей массой войск, но тут вдруг мы оказались одни. Мои товарищи тоже пропали, а я остался с пехотинцем с обмороженной ногой.

У нас потерь не было. Что касается всех криков и стрельбы, для русских наша атака была столь неожиданной, что им так и не удалось организовать системную оборону. Раненый лейтенант, ответственный за нашу команду, был доволен своими артиллеристами.

Теперь хорошенько выспаться!..

3 февраля 1942 года. Мне присвоено звание сержанта за «храбрость перед лицом врага».

Наша батарея сделала более тысячи выстрелов со своей нынешней позиции. Она отбивала все атаки противника в нашем секторе. Неприятель совершенно не смог бы действовать эффективно, не засеки он наши огневые позиции, – а русские никогда не бывают настолько неэффективны. Вчера они послали разведывательный самолет, и третий их залп попал в цель. Орудие номер 3 перевернулось, восемьдесят снарядов взорвались, результатом попадания в окоп стали девять жертв. Один из парней лежал в трех метрах от боеприпасов, но у него не были опалены даже брови, лишь с головы до ног он был обсыпан порохом.

Сержант Х., прекрасный, милый парень из нашего отряда, был ранен на нашем контрольном пункте на третью ночь. Рано утром его и еще пятерых пострадавших эвакуировали на трех санях. На санном пути кавалькада встретила вражеский дозор. Были пострадавшие среди сопровождения, а позднее обнаружили, что получившие ранения – мертвы. Офицер саперов, о котором я упоминал выше, прибыл сюда в ту же ночь, получив сквозное ранение в руку. Он с боем пробивался вместе с нашим командиром батареи. Из своих остававшихся пятнадцати человек он нашел только двоих. На линии фронта больше не берут пленных.

История с наблюдательным пунктом «Красный» завершилась тем, что мы отбили свой главный огневой рубеж. Русским, отрезанным в лесу на юго-западе, теперь определенно остается лишь ждать гибели. Однако наблюдательный пункт «Красный» пережил еще одну тяжелую ночь. Вечером 1 февраля он был атакован из находящегося сзади леса отрядом от восьмидесяти до ста человек. Лейтенант фон Гинденбург был у пулемета, а солдаты и офицеры вели огонь из-за деревянного частокола. В то же время лейтенант Кролл оттянул назад огонь нашей батареи так, что он велся по месту всего в тридцати метрах от землянки наблюдательного пункта. После этого еще две атаки следующей ночью едва ли стоят упоминания. Мощная атака, предпринятая противником, захлебнулась.

Днем мы уничтожили несколько более мелких групп. Теперь пехота двигается назад, опять к своим прежним окопам. После девяти дней и ночей прозябания вокруг крошечных костров под укрытиями из еловых веток, тихого сна и окоченения в снегу они не способны даже отвечать, как будто были под наркозом. Наблюдательный пункт должен быть покинут.

Слава памяти о тебе, наблюдательный пункт «Красный»! Все вокруг разгромлено, тяжелые дощатые стены разбиты в щепы; расщепленные пни, поломанное оборудование, мертвые лошади и множество несчастных окоченевших трупов. Черен снег перед твоим красным порогом. Ты стал символом – НП «Красный»!

Пять дивизий было брошено против одной нашей, мы достигли предела человеческой стойкости. И все-таки передо мной были живые примеры мужества и отваги. Был штабной сержант, который во все эти дни стоял как скала на ничейной земле: он ни разу не покинул своего поста, у него ни разу не отказывал пулемет, но он кричал своим людям, чтобы

те держались. Был рыжебородый сержант, который не проронил ни звука, когда перевязывали его раны, он смеялся и весело обращался к двум поддерживающим его товарищам: «Я скоро вернусь обратно, господа!» И был высокий командир роты, который медленно высовывался над бруствером, тщательно прицеливался и открывал огонь, говоря «Залпом – пли» так, будто он находился на стрельбище. Такие люди все еще есть, и они, может быть, стоят целой роты.

Глава 5
ЗИМА В ЦЕНТРАЛЬНОМ СЕКТОРЕ

Сегодня снова отправился на передовой рубеж. «Красный» теперь только половина НП. Поле боя выглядит неприглядно. Лента дороги к нашему бывшему посту оптического наблюдения вьется через поле воронок. Сам пост пережил сегодня прямое попадание. В нашей собственной землянке также видны следы разгрома. Многие окружающие деревья расщеплены: все выглядит ободранным. Нигде не видать чистого снега, это пустошь. Ступеньки, ведущие в землянку, покорежены и покрыты льдом. В основном соскальзываешь по ним ногами вперед и ударяешься в дверь. Но даже если наша «нора» полна грязи и вшей, даже если кирпичи вываливаются из печки, а окошки уже не пропускают свет, это – убежище. Прямое попадание не повредило его, а только немного обсыпалась земля с потолка. Снаружи будет – тарарам! Но внутри мы чувствуем себя прекрасно и в безопасности.

Мы теперь старые друзья, пехота и мы. Мы знаем друг друга по имени, и, главное, мы прекрасно ладим. Мы живем одной жизнью: одно едим и пьем, переживаем один и тот же холод, вшей и артобстрелы. Мы все вместе во всем этом: мы целимся в одного врага.

Я сижу у самого окна, и писать трудно. Сейчас за полночь, два часа. Большинство из нас спят. Но поскольку на нарах не могут уместиться все, всегда кто-нибудь сидит. Как бы то ни было, мы не можем себе позволить, чтобы спали все. Ночь и день ненамного отличаются друг от друга. Ешь, спишь в любое подходящее для этого время (и не знаешь, как долго) и сразу же приступаешь к своим прямым обязанностям. Вот и все, что есть наши обязанности – с моментами жестоких удовольствий.

Вчера привезли несколько одеял, из тех, что были собраны на родине, дома. «Как трогательно, – говорили мы, – как они пахнут нафталинными шариками, как чисты!» Видишь гостиную с диваном или детской кроваткой или комнату молодой девушки, из которой они взяты. Мы подержали их на секунду в руках, улыбаясь. Как же далеко, казалось, все это было, как будто на другой планете.

Но не беспокойся, не так уж все плохо. Мы снова найдем дорогу домой.

Солнце светило день за днем так же, как всегда, и у входа в наше жилье, защищенное от ветра, оно растопило немного снега, оставив сырое пятно. Это уже предвкушение весны.

Дары были такими щедрыми, что мы оказались в состоянии передать довольно много шерстяной и меховой одежды для наших друзей в пехоте. Если пройдут наши лошади, мы это сделаем. Лошади – одна из самых больших наших проблем. Правда состоит в том, что двигатель внутреннего сгорания – чистый убыток в этой зимней войне. Все приходится перевозить на санях. Откуда берутся все эти сани – загадка. Но как выживают эти лошади – еще большая загадка. Сено находится в трех днях пути. Местные лошадки живут на воде, соломе и… битье. В это трудно поверить. Скирда соломы – фантастическая вещь: ее реквизируют, охраняют, ночью из скирды выдергивают клочки; это доходит до дивизии, а то даже корпуса. Но шесть тысяч лошадей приканчивают этот запас в несколько дней.

Мы живем на странной звезде; нас задевает, когда кто-нибудь прибывает из резерва. Сегодня прибыл маленький человек, весь в снегу, только что из дома. Вот он – в своей новенькой форме, чистенький и без вшей, держащийся с достоинством и полный невинных идей. Мы, старые окопные крысы, сидим вокруг него, наслаждаясь компанией новичка. Забавно видеть такого человека, по-своему трогательно. По сравнению с ним мы – грубая, сквернословящая масса дикарей. Но насколько мы здоровее, достаточно сильны, чтобы противостоять чему бы то ни было. Вероятно, самое худшее позади, но если он направлен на НП, он, может быть, еще что-нибудь увидит.

А что касается пополнения пехоты, которое прибыло сегодня…

…Габель, который возит фураж, смотрел вытаращенными глазами на них, впервые увидевших вспышки, поднимающиеся над безмолвным снежным пейзажем. Габель – отчаянный парень. Он каждую ночь гоняет своих лошадей на НП, стоя во весь рост в санях с ручными гранатами в карманах. Он дает новичкам прекрасное описание места действий в своей обычной сухой манере.

Их ждут кое-какие сюрпризы, но у них будут и хорошие учителя. Так что все пойдет как надо.

Я все еще довольно слаб, но уже два дня у меня нет температуры. Я щурюсь на солнце, как кот на свет. Солнце великолепно. Когда оно поднимается в утреннем тумане, снег так блистательно ярок, а свет, заполняющий воздух, настолько ослепителен, что приходится отворачиваться.

В этой стране все доведено до крайности. Можно ли будет когда-нибудь к этому привыкнуть? Снова и снова мы стараемся свыкнуться с этой мыслью. Вечер за вечером ведем оживленные дискуссии, пытаясь давать работу нашему уму и не давая освобождаться от иллюзий.

Мы продолжаем надеяться на то, что однажды нас отпустят. Мы говорим так друг другу и пытаемся убедить сами себя. Но мы ломимся в открытую дверь, потому что хотим одного и того же. Мы лишь принимаем желаемое за действительное, когда говорим: «Что, мы предпринимаем еще одно наступление? С этими лошадьми? С таким оборудованием? С этой пехотой? Разве вы не видите, что дивизии конец? Русские умрут от смеха, когда мы появимся!»

«Дивизия вытянулась по фронту на двадцать километров, – сказал кто-то на днях шутя. – Это как выступление театральной труппы маленького городка. Они ходят по сцене с торжественными лицами и снуют взад-вперед». Потом есть еще одна шутка: «Когда полковник однажды хотел проинспектировать лошадей, кто-то предложил добавить к ним слева двух коров, чтобы показалось, что их больше».

21 февраля 1942 года. Наш НП покрылся толстым слоем снега. Мы должны расчистить его в течение дня, потому что вручают штаб-сержанту Шареру Железный крест первого класса. Ярко светит солнце. Крупинки снега слетают с деревьев, как стеклянная пыль. Мохнатая лошадка в своем огненно-красном зимнем одеянии трусит впереди легких саней. Мы комфортно разлеглись, щурясь от ослепительного великолепия, и наслаждаемся поездкой…

Говорят, русские установили противотанковую пушку выше, в пункте П. Я покрутил колесико оптической трубы и всматривался изо всех сил, но ничего не смог обнаружить. У меня было искушение: я один на НП и могу немного попрактиковаться в орудийной стрельбе самостоятельно.

Во второй половине дня я пошел на передовую позицию пехоты, где, как говорили, произвели наблюдение. На мне – новая зимняя форма: белые как снег штаны и куртка. Я брел по санному следу по лесу и через залитую солнцем полосу открытого участка земли к «сапогу». «Сапог» – это узкий вырез в грунте, который тянется в сторону противника и заканчивается в низине между нами и П. Он соединяется с землянкой, соседней с нашей, ощетинился амбразурами и защищен проволокой, спиралью Бруно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.